

Зигзаги критики

Когда театровед в предисловии к своей книге дружелюбно приглашает к душевному разговору о путях и судьбах искусства, обещаая при этом уважать ваше собственное мнение, к нему проникаешься симпатией. Именно так начинается книга «Достоинство искусства» В. Кардина. Правда, уже и здесь несколько настораживает предположение автора, что она, книга, не обязательно будет принята целиком каждым читателем. Прочитав, понимаешь, что предположение это не случайно. Закрываешь последнюю страницу и ощущаешь себя эдаким тупым и жестоким садистом, упивающимся шелканьем кнута, которым тупой и жестокий Егор Трубников, герой фильма «Председатель», гонит по колёну в грязи свою беззащитную паству. За какие же такие грехи читатель вместе с Трубниковым так наказан?

Оказывается, лишь за то, что он осмелился не согласиться с окончательными, равно как и с промежуточными выкладками В. Кардина. Автор так и заявляет: «Кто думает иначе, тот пусть упивается шелканьем кнута Егора Трубникова». Интересно, что сам автор позволяет себе любую категоричность, потому что он, по его убеждению, отстаивает позицию честного и непримиримого борца за истину, не взирая на то, что, как он сам заявляет: «Честность вообще, как известно, не принадлежит к числу свойств, облегчающих жизнь».

Начиная книгу очерком

о театре «Современник», В. Кардин объясняет его появление велением времени, самой жизни, обновленной решениями XX съезда партии. Новый театр создал оригинальные средства сценической выразительности, открыл неведомых до того героев. Допустим, это так, хотя и руководители, и актеры театра неоднократно подчеркивали преемственность традиций реалистического театрального искусства в своем творчестве. Удивляет другое: свои симпатии автор безоговорочно отдает героям, которые «пуганые перепуганные».

Тут всеми понукаемая Варвара (пьеса «Без креста» по повести В. Тендрякова «Чудотворная»), которой принадлежит это самоопределение, некоторые персонажи из пьес ряда зарубежных драматургов и даже врач Бороздин (пьеса В. Розова «Вечно живые»), основной значимостью которого В. Кардин считает старческую немощь — «Бороздин раскусил Марка (подлеца) до конца, а взять за шиворот — сил недостаточен».

Самые большие симпатии В. Кардина вызывают «пуганые» из пьес А. Володина — Надя и Лида («Старшая сестра»), Нюта и Лямин («Назначение»). Эти «пуганые» — стопроцентные. Лямин в финале растерянно улыбается. Улыбка эта — «...она от понимания сложности многих вещей и ограниченности собственных возможностей». Растерянная улыбка, по мнению В. Кардина, — непременно

ная привилегия положительного героя нового театра. Она и принята на вооружение.

Кому же объявил войну новый театр? В. Кардин заявляет: тени фашизма. «Это мишень, по которой он бьет раз за разом...» Но у читающего книгу «Достоинство искусства» невольно возникает недоумение: позвольте, неужто улыбку одиночки — выражение слабости, повышенной чувствительности, — можно объявлять действенным средством против зла, чуть ли не проявлением совести XX века? Да, с нашим веком связаны немалые муки и страдания людей, но в то же время нельзя забывать, что наше время — время героической борьбы Человека за свою свободу, время незримых никогда ранее побед.

А сценические герои, близкие сердцу В. Кардина, побеждают лишь условно и абстрактное зло. Абстракции стары, как мир. Они появляются там, где что-то неизвестно или где надо отвлечь мысль от насущного. Живая проблема дня — найти общее в людях, а не то, что их различает. «Стилем игры», — говорит В. Кардин, — театр тоже закрепляет свое общественное место, приближая себя к зрителям, разделяющим его побуждения и этические принципы.

Думается, что для любого театра важнее закрепить свою общественную значимость и тем самым приблизиться к зрителям. И для этого, как мне кажется, вовсе не обязательно упрощаться и опускаться. Надо только

полнее и глубже выражать мысли и чувства, владеющие обществом на каждом этапе его развития.

Свое творческое и общественное кредо В. Кардин пробует утвердить, опираясь на опыт Московского театра «Современник». С настоящей восторженностью, достойной лучшего применения, противопоставляя «Современник» всему советскому театру, он пытается убедить читателя, что выпячивание скептиков из коммунальных кухонь глубже и полнее отражает время. Только вряд ли кого в этом сегодня можно убедить. Тем более несостоятельной представляется попытка запрограммировать творческую направленность театра, развивающегося в совсем ином направлении.

Откуда же идут подобные утверждения? Мне кажется, они проистекают от непонимания и неприятия автором классовой природы искусства, от пренебрежения к людям труда, в чьей примитивности В. Кардин убежден окончательно и бесповоротно.

Только лоснящиеся телогрейки и боль в мозолистых руках и неокрепших мышцах, по мнению В. Кардина, характеризуют рабочую среду в его рассуждениях по поводу инсценировки повести А. Кузнецова «Продолжение легенды». Только этим она де и держалась на сцене. А когда, продолжает утверждать автор, литература и драматургия показали нам большую неприглядность и боль, то пьеса, слава богу,

отжила. Еще резче о рабочей среде В. Кардин отзывается, разбирая по косточкам фильм «Строится мост», поставленный театром «Современник». Все там критику не нравиться за исключением изображения колготного и неустроенного быта, все в этом фильме — искажение правды, потому что идет от пресловутой заданности. Иными словами, то, что даже в любимом им театре не отвечает принятой автором концепции или отклоняется от нее, подлежит осуждению.

Подобные утверждения В. Кардина красной нитью проходят через всю книгу. С этих позиций он анализирует советскую драматургию последних лет, щедрой рукою раздавая нелепые эпитеты инкоммюсалищным. Верность долгу, обществу, партии — все это объявляется несовременным, отходом от правды жизни, препятствует показу индивидуальности человеческой личности. Все это — заданность, а в ней, заданности, автор видит корень бед советского театра и кино и от нее предостерегает.

Мне кажется, книга В. Кардина, всем своим строем направленная против однобоко понимаемой им заданности в искусстве, не помогает, а мешает читателю бороться в тех процессах, которые действительно происходят в жизни нашего театра и кино, и зовет читателя не вперед, а назад.

Юрий КОРТНЕВ,
слесарь московского
завода «Динамо».